

Е. А. Денисова

А. ФАДЕЕВ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Статья посвящена проблеме сохранения культурного наследия. Рассматриваются значимость процесса «возвращения» литературы, понятие «утерянная литература», осмысливается тенденция в современной общественно-литературной ситуации отрицания литературных произведений из соображений идеологической и коммерческой конъюнктуры. Рассматриваются роман А. Фадеева «Разгром» в контексте прозы 20-х годов, новаторство А. Фадеева в создании образа руководителя революционных масс и проблема героя-интеллекта. В статье выявлены контекстные ореолы романа в отечественной прозе позднейших периодов.

Ключевые слова: «Разгром» А. Фадеева, контекст, проза 20-х гг., образ руководителя, герой-интеллигент, возвращение, утерянная литература.

Русскую литературу XX века (период с 1917 по 1985 г.) принято делить на русскую советскую литературу и русскую литературу советского периода. Под русской литературой советского периода понимаются те произведения, которые в большинстве своём пришли к читателю уже во второй половине 80-х – в 90-е годы и образовали мощный пласт возвращённой литературы. Сейчас трудно представить литературу 20-х – 30-х годов без «Собачьего сердца» М. Булгакова, «Котлована» и «Чевенгура» А. Платонова, «Несвоевременных мыслей» М. Горького и других. Они читаются, изучаются, в том числе и в школе.

Судьба многих произведений, представляющих русскую советскую литературу, иная, многие из них как бы и не существовали в литературе. Современному читателю, особенно школьнику, ничего не говорят имена А. Малышкина, А. Серафимовича, даже Л. Леонова. Справедливо ли это? Конечно, нет, так как история литературы, как и история в целом, не должна представлять собой набор произведений, иллюстрирующий наличие на том или ином этапе идеологической и даже коммерческой конъюнктуры.

Обратимся к произведению, в судьбе которого отразилась сложная ситуация не только раннего периода русской литературы XX века, но и современная общественно-литературная ситуация. Речь идёт о романе А. Фадеева «Разгром».

Он считается одним из самых известных романов, посвящённых Гражданской войне, где писатель на примере быта красного партизанского отряда стремился объективно показать дух времени. Действие в «Разгроме»

длится приблизительно около трёх месяцев. Персонажей всего около тридцати. В основу произведения лёг личный опыт А. Фадеева, который активно участвовал в войне на стороне красных и сражался в составе партизанского отряда вплоть до 1921 года в Сибири и на Дальнем Востоке. Роман сразу стал известен, имя А. Фадеева вошло в литературу. Сегодня, говоря о романе, мы по праву считаем его достоинством психологизм, стремление не столько показать историю в событиях (в романе нет их развёрнутого описания), сколько историю в характерах (об этом свидетельствуют даже названия глав, например «Морозка», «Мечик»). В истории литературы зафиксированы и другие оценки.

После публикации роман был принят неоднозначно: государственным функционерам роман показался слишком мрачным. «Перевальская» и рапповская (А. Воронский, А. Лежнев) критика в целом была умеренно комплиментарной. Резко осудил роман О. Брик в статье с каламбурным названием «Разгром Фадеева» («Новый ЛЕФ», 1928, № 5): «Совершенно ясно, что уход от голой агитки — это уход от живописания людей к живописанию дела. Это единственно верный путь. Нужно поставить перед литературой задачу: давать не людей, а дело, описывать не людей, а дело, заинтересовать не людьми, а делами. Мы ценим человека не по тому, что он переживает, а по той роли, которую он играет в нашем деле. Поэтому интерес к делу для нас основной, а интерес к человеку — интерес производный». Брик заявляет: «Фадеев не поставил перед собой вопроса: имеет ли вообще смысл сейчас писать беллетристическое произведение о гражданской войне, о которой у нас сохранилось столько ценных и увлекательных документов» [5].

Известно определение А. Фадеевым темы и проблемы романа: «Первая и основная мысль: в гражданской войне происходит отбор человеческого материала, всё враждебное сметается революцией, всё неспособное к настоящей революционной борьбе, случайно попавшее в лагерь революции, отсеивается, а всё поднявшееся из подлинных корней революции, из миллионных масс народа закаляется, растёт, развивается в этой борьбе. Происходит огромнейшая переделка людей. Эта переделка происходит успешно потому, что революцией руководят передовые представители рабочего класса — коммунисты, которые ясно видят цель движения и которые ведут за собой более отсталых и помогают им перевоспитываться». В сущности, это определение тематики, идеи всей литературы 20-х – 30-х годов.

Главным в литературе является человек, а, следовательно, проблема героя чрезвычайно важна. Рассмотрим некоторых героев романа в контексте

прозы 20-х годов. Самыми интересными, на наш взгляд, являются фигуры Левинсона и Мечика. Отметим сразу (без подробностей), что все герои романа имеют реальных прототипов. В прозе 20-х годов есть классические образы руководителей народных масс. Приёмы создания этих образов имеют много общего. В героико-романтических произведениях (повестях «Падение Даира» А. Малышкина, «Партизанские повести» Вс. Иванова, романе «Железный поток» А. Серафимовича) создаётся условно обобщённый поэтический образ народной жизни. В «Падении Даира» командарм, направляющий движение Множеств (так характеризуются народные массы), не назван по имени, а в облике и характере его не выявлено ни одной индивидуальной черты, но постоянно подчёркивается связь со Множествами, твёрдость и непоколебимость: «Он встал каменный, чужой мирным сумеркам избы... Командарм улыбнулся каменной своей улыбкой и ничего не ответил». Малышкин никак не именуется и других персонажей произведения. Условность подобного героя очевидна. В «Железном потоке» А. Серафимович тоже показывает руководителя массы людей, совершающих трудный переход в поисках лучшей доли. Кожух неотделим от людей. Герой дан только в одном ракурсе — в его отношении к массе, в которой он проявляет себя как волевой командир. В облике Кожуха подчёркиваются необыкновенная твёрдость, воля, отсутствие сомнений («железные желваки», «железный лязг голоса»). Характеристика лишена психологизма. В романе «Голый год» Б. Пильняк подчёркивает в своих героях-коммунистах («людях в кожаных куртках») ту же самую непоколебимую веру в будущее, целеустремлённость, бесстрашие в борьбе с «быльём». Непоколебимая уверенность в своей правоте, в том, что во имя победы революционного дела ты вправе жертвовать чужими жизнями, отражена в трагической повести того же Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны». На вопрос друга «А имел ли ты право послать на смерть четыре тысячи человек?» герой отвечает с уверенностью: «Имел». О том, к чему приводит подобная уверенность, литература будет размышлять и в более поздние периоды, например в произведениях о Великой Отечественной войне. Очень остро встанет эта проблема у В. Тендрякова («Донна Анна»), Г. Владимова («Генерал и его армия» — неприятие «четырёхслойной тактики»). С течением времени в советской литературе будет преодолеваться схематизм в изображении руководителей революционных масс, но это произойдёт не так скоро. Свообразным развенчанием таких героев, искренне верящих в свою непогрешимость, станет описание трагической судьбы Стрельникова-Расстрельникова в «Докторе Живаго» Б. Пастернака.

Кто такой Левинсон? Способы создания характера Левинсона резко отличаются от тех, что были приняты в литературе того периода. Фадеев полемизирует со сложившейся традицией изображения вождя как человека с железной волей, которому чужды слабости, враждебен быт. Уже внешне герой необычен. Левинсон, этот странный командир отряда, и на человека-то непохож, весь состоит из шапки, рыжей бороды да ичихов выше колен. Во внешней характеристике Левинсона подчёркнуты болезненность, физическая слабость, он склонен к сомнениям, недовольству собой. И в то же время Фадеев наделяет своего героя внутренней силой, одна из его характеристик — «человек особой, правильной породы», партизаны уверены, что он «всё понимает, всё делает как нужно». При создании образа Левинсона автор использует повторяющуюся портретную деталь — глаза. Использование повторяющейся портретной детали — толстовская традиция. Глаза Левинсона «нездешние», «глубокие, как озёра», «голубые, как омуты», «видящие насквозь». С Левинсоном связан и мотив света. Когда отряд подходит к трясине в финале романа, во тьме появляется командир, «подняв в руке зажжённый факел» (связь с легендой о Данко из рассказа М. Горького «Старуха Изергиль»). Высшее желание Левинсона — «жажда нового, прекрасного, сильного и доброго человека». И всё-таки и эта характеристика схематична по-своему. Есть в Левинсоне то, что недоговорено и им самим, и автором.

В 3-й главе «Шестое чувство» Левинсон сравнивается с вождём стаи волков, который водит её за собой «непобедимой мудростью многих поколений». Нам кажется это сравнение диссонирующим, но если это не случайный, а осознанный выбор автора, то он жутковат. «Стая волков» — партизанский отряд? Нет, конечно, Фадеев партизан не идеализирует. Многим из них, а не только Морозке, жизнь казалась простой и немудрящей, как «муромский огурец с сучанских баштанов». Но хищности в них всё-таки нет. Левинсон задумывается о «конечной цели», но формулирует эту цель предельно абстрактно (см. выше).

В литературе о революции и Гражданской войне вполне отчётливо противопоставлены конкретно-исторические и общечеловеческие ценности. Отсюда и возникла нелепая уверенность в существовании революционного гуманизма, по сути оправдывающего любые средства достижения цели, даже красный террор. О том, что красные и белые, отстаивая свою классовую правду, зачастую используют одни и те же методы, рассказано в «Тихом Доне» М. Шолохова. Именно осознание этого и привело Г. Мелехова к известному выводу: «Ни те, ни эти не по совести». Не принято

подробно говорить о тех эпизодах романа «Разгром», которые иллюстрируют, на наш взгляд, указанное противопоставление ценностей. Речь идёт об отравлении Фролова. Отдавая соответствующее распоряжение, Левинсон недоговаривает, комкает мысль, но уверен в том, что ради достижения цели можно и нужно пожертвовать человеческой жизнью. Да, есть забота о том, чтобы раненый не попал в плен. Такие ситуации в литературе описаны, вспомним «Смерть Долгушова» из «Конармии» И. Бабеля. Но Долгушов сам просит убить его («Патрон на меня надо стратить» [3, с. 145]), а Лютов-автор испытывает душевные муки, осознавая невозможность и необходимость выполнения просьбы. Может быть, эта скомканность, какая-то стыдливость, которой вуалируется внутренняя уверенность Левинсона в своём праве ради отряда, революционного дела, пожертвовать жизнью Фролова и в конечном итоге корейца и его семьи, у которых отняли последнее пропитание, и мотивирует отношение партизан к этим событиям. Логично, на наш взгляд, вспомнить здесь о поэме «Двенадцать» А. Блока. В монологе Петьки после убийства Катьки явно слышится раскаяние: «...загубил я сгоряча». Автор называет Петьку «бедным убийцей»: «Лишь у бедного убийцы / Не видать совсем лица...» Но всё меняет окрик товарищей: «Что ты, Петька, баба, что ль? <...> Потяжеле будет бремя / Нам, товарищ дорогой!» И что же Петька? «Он головку вскидывает, / Он опять повеселел...» [4, с. 495, 496]. Что там какая-то отдельная Катька, когда речь идёт о мировом пожаре. Никто не испытывает никаких мучений. И это самое страшное. В романе Фадеева тоже нет тех мучительных переживаний, как, скажем, у Лютова в «Конармии» И. Бабеля: «...и только сердце моё, обогрëнное убийством, скрипело и текло» («Мой первый гусь») [2, с. 137]. На следующее утро Фролова равнодушно закопали. Никто не переживает, кроме Мечика, но о нём речь впереди.

Судьба Павла Мечика трагична и в романе, и в литературоведении, и в методике преподавания. Однозначное толкование трагичности здесь невозможно.

П. Мечик — интеллигентный молодой человек, окончивший гимназию, сознательно пришёл в партизанский отряд. Подчеркнём осознанный выбор Мечика и напомним, что романский оппонент Мечика, Морозка, действовал иначе: «Он всё делал необдуманно: жизнь казалась ему простой, немудрящей, как кругленький муромский огурец с сучанских баштанов. Может быть, потому, забрав с собой жену, ушёл он в восемнадцатом году защищать Советы». Мечик настроен романтически, партизаны представлялись ему в

одежде из «порохового дыма и романтических подвигов». Жизнь оказалась гораздо сложнее, иллюзии развеялись. Мечик переносит и издевательства партизан над своей правильной речью, городской одеждой, переносит и то, что ему всучили негодящую кобылу Зючиху, и то, что сразу после появления в отряде подвергся избиению ни за что. Сам он рассказывает о своих переживаниях Левинсону: «...Ни от кого не вижу поддержки... Я ко всем подходил с открытой душой, но всегда натыкался на грубость, насмешки, издевательства, хотя я был в боях вместе со всеми и был тяжело ранен...» Мечик — это единственный человек, который не принимает и даже пытается остановить отравление Фролова, пытается отвести руку Сташинского с ядом. «Обождите!.. Что вы делаете?.. — крикнул Мечик, бросаясь к нему с расширенными от ужаса глазами». Мечик переживает за судьбу обездоленного корейца. Несмотря на трудности, Мечик не оставляет отряд и становится настоящим партизаном, сражаясь наравне со всеми. Ему «пришлось карабкаться по хребтам, по безвестным козьим проторям», «скалистым кручам, едва не убившись», хотя он «ещё нетвёрдо чувствовал себя на ногах» после тяжёлого ранения. Мечик не ушёл из отряда.

Рассказывая историю и Морозки, и Мечика, Фадеев использует хронотопический образ пути. И если у Морозки вначале это «выверенные тропы», потому что он не искал новых путей, а потом мечтает встать на «ясную, правильную дорогу», по которой идут Левинсон, Бакланов, Дубов, Гончаренко, то жизненную дорогу Мечика автор характеризует как «трудный крестный путь». То, что произошло с Мечиком к финалу романа, всегда расценивалось как предательство. Да, не успел предупредить отряд о засаде, подвергнув людей смертельной опасности, стал фактически причиной гибели Морозки. Факт страшный. Фадеев ставит убийственную точку в судьбе Мечика: «И мучился он не столько потому, что из-за этого его поступка погибли десятки доверившихся ему людей, сколько потому, что несмываемо-грязное, отвратительное пятно этого поступка противоречило всему тому хорошему и чистому, что он находил в себе. Он машинально вытащил револьвер и долго с недоумением и ужасом смотрел на него. Но он почувствовал, что никогда не убьет, не сможет убить себя, потому что больше всего на свете он любил все-таки самого себя — свою белую и грязную немощную руку, свой стонущий голос, свои страдания, свои поступки — даже самые отвратительные из них. И он с вороватым тихоньким паскудством, млея от одного ощущения ружейного масла, стараясь делать вид, будто ничего не знает, поспешно спрятал револьвер в карман».

Мечик уничтожен автором. Но литературное произведение, тем более талантливое, это всегда почва для обдумывания и исследования, а выводы могут отличаться от устоявшихся. Хотелось бы обратиться к статье Г. Яковлева («Ошибка Фадеева или Мечика?», журнал «Литература», 2001 г., № 3), который рассматривает судьбу Мечика именно как трагическую, считая, что Мечик, скорее, жертва обстоятельств, не соглашаясь с привычными для советского литературоведения и школьной методики характеристиками Мечика как гнусного предателя, к этому предательству всю романную жизнь шедшего: «Однако то, что произошло, никак нельзя назвать предательством: тут не было ни осмысленной сделки с совестью, ни злого или корыстного умысла, ни даже молниеносного осознания (а оно было необходимо) последствий своих действий. Я и поступком-то затрудняюсь назвать мгновенную реакцию сонного и измождённого Мечика, его роковую ошибку, а когда через минуту после падения под откос он услышал выстрелы и начал что-то соображать, ему стрелять было уже совершенно бесполезно. Предать партизан он не мог по своим убеждениям: вспомним, с каким презрением он говорил Левинсону о людях, которым безразлично, кому служить — Колчаку или Советам. По идейным мотивам он и в отряде оставался, и в боях участвовал. “Бегство” было для него самого неожиданностью. Если бы это был обдуманый поступок (как, например, у Рыбака в “Сотникове” Василя Быкова), разве Мечик так страдал бы, так мучился? Разве он не пытался бы как-нибудь оправдать себя в собственных глазах? Эгоист и себялюбец непременно поступил бы именно так» [9].

Судьба Мечика в истории литературы, в школьном преподавании трагична, потому что этот герой, как уже сказано, всегда характеризовался однозначно. Даже сам Фадеев говорил, что Мечик принадлежит к «худшей разновидности интеллигенции»; обычно утверждение, что в основе всего у Мечика лежит эгоистическое стремление к самоутверждению, в каждом поступке и слове Мечика старательно выискивались черты отщепенца, вырожденца и т. п. Но главным образом почти во всех статьях вплоть до наших дней Мечик осуждался как трус и индивидуалист, неизбежно обречённый на предательство, которое и совершил. Объясняется это, если обратиться к истории литературы, тем обстоятельством, что Мечик — интеллигент, индивидуальное в нём превалирует над массовым. Недоверие к рефлексирующей личности, для которой неорганично приобщение к коллективистским ценностям, было характерно для советской литературы 20-х годов. Слово «интеллигент» вообще воспринималось как ругательное. «А ещё шляпу

(очки) надел», «Ишь, интеллигент выискался» — типичные негативные разговорные формулы. Очки ведь указывают на образованность, а образованный человек — это уже человек классово чуждый. «Канитель тут у нас с очками, и унять нельзя. Человек высшего отличия — из него здесь душа вон. А испортить вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка...» (И. Бабель, «Мой первый гусь») [2, с. 135]. Приоритет коллективного над индивидуальным выражался иногда в гротескной форме. З. Паперный в книге «Самое трудное» вспоминал о претензиях к М. Лермонтову в публикациях пролетарской газеты. Поэта упрекали в том, что он писал об отдельной сосне («На севере диком»), когда мог бы писать о лесе-коллективе (!).

Неприятие мыслящего человека, а особенно «инакомыслящего», отражено в литературе 20-х годов. Достаточно вспомнить историю увольнения Воцьева в «Котловане» А. Платонова, отношение Швондера и Шарикова к профессору Преображенскому в «Собачем сердце» М. Булгакова, многие рассказы М. Зощеко, ощущение героем «Конармии» И. Бабеля, интеллигентом Лютовым, разлада с конармейцами. К сожалению, и в литературе более поздних периодов («Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского, «Белые одежды» В. Дудинцева, «Доктор Живаго» Б. Пастернака) отражены эти противоречия. Трагедия человеческой несостоятельности как следствие отторжения духовности, неспособности и нежелания самостоятельно осмысливать происходящее показана и в произведениях позднего периода отечественной литературы: «Кысь» Т. Толстой, «Лёгкая голова» О. Славниковой, «Новая московская философия» В. Пьецуха, «ГенАцид» В. Бенигсена и многих других.

В 1990 году в «Литературной газете» появилась эпатажная статья В. Ерофеева «Поминки по советской литературе», которую сам автор характеризовал как «надгробное слово». Для автора советская литература — «остывающий труп... идеологический покойник». По его мнению, советская литература была основана «...на диктате социального заказа, требовавшего от литературы не столько верного, сколько слепого служения генеральной линии». В. Ерофеев категорично заявляет, что «советская литература есть порождение соцреалистической концепции, помноженной на слабость человеческой личности писателя, мечтающего о куске хлеба, славе и статус-кво с властями». Сегодняшняя общественно-литературная ситуация иная, резкое неприятие советской культуры и советского времени отсутствует, достаточно оценить количество советских фильмов на телевидении или прислушаться к репликам «из народа», встречающимся даже в рекламных текстах: «Хорошее, настоящее, как в советские времена». Однако советская литература

если и не достаивается сегодня разоблачений в духе В. Ерофеева, то в целом отношение к ней можно охарактеризовать как принципиальное и последовательное отрицание достоинств официального советского искусства и идеологии, выражающееся в том, что о многих произведениях просто не говорят. Так случилось и с Фадеевым, которого из школьной программы просто убрали, упоминая, да и то не всегда, только в обзорном плане. Существующее сегодня положение, на наш взгляд, недопустимо. «Белых пятен» в истории литературы и так достаточно, и искусственно формировать лакуны нельзя — люди достойны того, чтобы иметь объёмное представление о своей истории, в том числе и об истории литературы, самостоятельно делать выводы о ценности и нужности того или иного литературного явления.

Одним из заинтересованных в восстановлении исторической справедливости по отношению к личности и творчеству А. Фадеева является В. Авченко, автор ряда статей и книги о писателе, изданной в серии «ЖЗЛ». В статье «Разгром Фадеева», опубликованной в журнале «Наследник», он с горечью пишет: «В первый раз Фадеева убили ещё в СССР, превратив живого, страстного человека в кусок бронзы. Во второй раз убили одновременно с СССР, объявив “функционером”-конъюнктурщиком и чуть ли не палачом. Потом убили в третий раз, сделав вид, что такого писателя вообще нет» [1]. Говоря о том, что в Приморском крае память о писателе пытаются сохранять (отряд «Фадеевец» в школе в Чугуевке, региональный музей А. Фадеева), автор утверждает: «Фадееву, однако, требуется не только эта инерция региональной памяти, но — возвращение. Новое, непредвзятое прочтение. Советская литературная иерархия столь же ущербна, как и антисоветская. Фадеева надо читать, его книгам и жизни нужно переосмысление» [1]. Трудно с этим не согласиться.

Известный современный писатель Р. Сенчин, рецензируя книгу В. Авченко об А. Фадееве, солидарен с автором: «Да, миф о Фадееве-палаче страстная книга Василия Авченко вряд ли развеет. Миф, как мне кажется, развеется сам. Не завтра, но развеется. Главное, чтобы не канул в Лету Фадеев-писатель. Был бы я государственным мужем, я бы приложил усилия, чтобы эта книга попала в школьные и вузовские библиотеки и преподаватели русской литературы с ней ознакомились. Поняли, что вдалбливать “Молодую гвардию” и “Разгром” в учеников и студентов нельзя, а подталкивать их — именно их, подростков и молодёжь, — к прочтению этих произведений необходимо. Пусть даже их нет теперь в школьной программе. Книги Фадеева и его биография — отличный разговор не только о литературе, но и вообще

о жизни: о личном и общественном, о призвании и долге. Без знакомства с Фадеевым лет в пятнадцать-двадцать человек становится несколько ущербным. В этом я убеждался не раз» [7].

Изучать историю литературы сложно, а преподавать — ещё сложнее, говорю это как преподаватель с многолетним опытом. Каждый преподаватель озабочен тем, чтобы какие-то истины его ученики усвоили крепко-накрепко. Думается, что для достижения этой цели неплохо было бы познакомить читающих со сказанным И. Бродским в Нобелевской лекции о чтении: «...Ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое — пренебрежение книгами, их не-чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью: если же преступление это совершает нация — она платит за это своей историей» [6]. Хотелось бы выразить надежду, что осмысление сказанного И. Бродским побудит современного человека к борьбе с духовным невежеством хотя бы в пределах собственного читательского опыта. А в конечном итоге понятие «утраченная литература» перестанет существовать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авченко, В. Разгром Фадеева / В. Авченко. — Текст : электронный // Наследник : православ. молодёж. журн. — URL: naslednick.ru/articles/culture/culture_9798.html.
2. Бабель, И. Э. Мой первый гусь // Избранное / И. Э. Бабель. — Москва, 1998. — С. 134–137.
3. Бабель, И. Э. Смерть Долгушова // Избранное / И. Э. Бабель. — Москва, 1998. — С. 143–146.
4. Блок, А. А. Двенадцать // Избранные произведения / А. Блок. — Лениздат, 1970. — С. 489–499.
5. Брик, О. Разгром Фадеева / О. Брик. — Текст : электронный // Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа. — URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Lityeratura-fakta-Pyervyyi-sbornik-matyerialov-rabotnikov-LYeFa.html#Q2552-O-Brik-Razgrom-Fadyeyeva>.
6. Бродский, И. А. Нобелевская лекция / И. А. Бродский. — Текст : электронный // Русский язык и литература 865 : [сайт для школьников и абитуриентов]. — URL: litera865.blogspot.com/2017/04/blog-post_20.html.

7. Сенчин, Р. Возвращение к Фадееву. Роман Сенчин о биографии автора «Молодой гвардии» / Р. Сенчин. — Текст : электронный // Лайвлиб. — URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/30730-vozvraschenie-k-fadeevu-roman-senchin-o-biografii-avtora-molodoj-gvardii>. — Рец. на кн.: Авченко, В. О. Фадеев. — Москва : Молодая гвардия, 2017. — 365 с.

8. Фадеев, А. А. Разгром : роман / А. А. Фадеев. — Москва : Комсом. правда : Директ-Медиа, 2015. — 304 с.

9. Яковлев, Г. Ошибка Фадеева или Мечика? / Г. Яковлев. — Текст : электронный // Литература. — 2001. — № 3. — URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200100302>.